

УРОКИ И ЗНАЧЕНИЕ КРОНШТАДТСКОГО ВОССТАНИЯ

Кронштадтское движение было стихийным, неподготовленным и мирным. В том, что оно завершилось вооруженным конфликтом, вылившимся в кровавую трагедию, виновен только адский деспотизм «коммунистической» диктатуры. Хотя Кронштадт понимал общий характер большевиков, он все еще верил в возможность мирного решения. Он верил, что «коммунистическому» правительству доступен разум, приписывал ему определенное чувство справедливости и свободы. Опыт Кронштадта снова продемонстрировал, что государство – под любым именем и в любой форме – всегда является смертельным врагом свободы и самоопределения. Государство бездушно и беспринципно. У него лишь одна цель: обеспечение и сохранение собственной власти любой ценой. Таков политический урок Кронштадта.

Но есть и другой урок для любого восстания – стратегический. Успех восстания определяется его решительностью, энергией и наступательностью. На стороне восставших – массовое чувство. Оно тем сильное, чем выше волна восстания. Нельзя допустить, чтобы оно успокоилось, поблекло и вернулось к бесцветности повседневной жизни. С другой стороны, любое восстание имеет противником мощную государственную машину. Правительство может сосредоточить в своих руках все источники снабжения и транспортные пути. Нельзя давать ему времени использовать свою власть. Восстание должно быть мощным, должно наносить неожиданные и решительные удары. Оно не должно оставаться местным, потому что это означает стагнацию. Ему следует расширяться и развиваться. Ограничиваясь одной местностью, проводя выжидательную политику или занимая оборонительную позицию, восстание неизбежно обречено на поражение.

В этой связи Кронштадт повторил пагубные стратегические ошибки Парижской Коммуны. Коммунары не послушали тех, кто выступал за немедленное наступление на Версаль, пока правительство Тьера оставалось дезорганизованным. Они не перенесли революцию в деревню. Ни парижские рабочие 1871 г., ни матросы Кронштадта не попытались ликвидировать правительство. Коммунары требовали лишь определенных республиканских свобод, а когда правительство попыталась их разоружить, изгнали министров Тьера из Парижа, ввели требуемые свободы и приготовились к их защите – и ничего более. Кронштадт тоже требовал только свободных выборов в Советы. После ареста нескольких комиссаров матросы перешли к обороне против нападения. Кронштадт отказался последовать совету военных специалистов и быстро завладеть Ораниенбаумом. Эта крепость имела важнейшее военное значение, кроме того, там находились 50 тыс. пудов зерна, принадлежащих Кронштадту. Высадка была возможна, поскольку большевики были ошеломлены, и у них не было времени укрепиться. Но матросы не хотели переходить в наступление, и психологически выгодный момент был упущен. Через несколько дней, когда слова и дела большевистского правительства убедили Кронштадт, что борьба идет не на жизнь, а на смерть, было уже слишком поздно исправить ошибку.

Точно так же было с Парижской Коммуной. Когда логика навязанной ей борьбы доказала необходимость ликвидировать режим Тьера не только в собственном городе, но и во всей стране, было уже поздно. Парижская Коммуна и Кронштадтское восстание доказали пагубность склонности к пассивной оборонительной тактике.

Кронштадт пал. Движение за вольные Советы было затоплено в крови; одновременно большевистское правительство заключило компромиссы с европейскими капиталистами,

подписало Рижский договор, отдав на милость Польши 12 миллионов человек, и помогло турецкому империализму подавить кавказские республики. Но «триумф» большевиков над Кронштадтом заключал в себе поражение большевизма. Он обнажил подлинный характер «коммунистической» диктатуры. «Коммунисты» доказали свою способность пожертвовать коммунизмом, почти что пойти на любой компромисс с мировым капитализмом, но отвергли справедливые требования собственного народа – требования, которые нашли отражение в Октябрьских лозунгах самих большевиков: прямые и тайные выборы в Советы в соответствии с конституцией РСФСР, свобода слова и печати для революционных партий.

Кронштадт был далек от того, чтобы выступать за Учредительное собрание или за требования свободы торговли, которые можно было обнаружить в Петрограде. Матросы были революционерами по духу и на деле, они были твердыми сторонниками системы Советов, но подлинными противниками диктатуры какой-либо политической партии.

Во время Кронштадтского восстания в Москве проходил 10-й съезд компартии. На этом съезде в результате Кронштадтских событий и столь же угрожающего настроения народа в других частях России и Сибири была изменена вся большевистская экономическая политика. Большевики предпочли отказаться от своих политических принципов, отменить разверстку, ввести свободу торговли, предоставить концессии капиталистам, отказаться от коммунизма – коммунизма, за который боролась Октябрьская революция, было пролито столько крови, а страна перенесла разрушения и отчаяние – все, что угодно, лишь бы не допустить свободно избранных Советов.

Можно ли после этого еще задаваться вопросом, к какой конечной цели стремились большевики? К чему они стремились: к торжеству коммунистических идеалов или к правительственной власти?

Кронштадт имеет большое историческое значение. Он прозвучал похоронным звоном по большевизму с его партийной диктатурой, проклятой централизацией, террором ЧК и бюрократическими кастами. Он поразил «коммунистическое» самодержавие в самое сердце. Разумным и честным мыслителям в Европе и Америке он дал стимул для критического пересмотра большевистской теории и практики. Он разрушил большевистскую басню о том, что «коммунистическое» государство – это «правительство рабочих и крестьян». Он доказал, что «коммунистическая» партийная диктатура и российская революция противостоят друг другу, противоречат друг другу, несовместимы. Он показал режим большевиков как ничем не прикрытую тиранию, как реакцию, показал, что самой мощной и опасной контрреволюцией является само «коммунистическое» государство.

Кронштадт пал. Но он пал, одержав победу своим идеализмом и моральной чистотой, своим благородством и более высокой человечностью. Кронштадт был прекрасен. Он справедливо гордился тем, что не пролил на своей территории крови своих врагов-«коммунистов». Он не стал проводить казни. Неграмотные матросы с их грубым языком и манерами оказались слишком благородными, чтобы копировать большевистскую мстительность: они не желали расстреливать даже ненавистных комиссаров.

Кронштадт был первой народной и совершенно независимой попыткой освобождения от ига государственного «социализма». Попыткой, сделанной непосредственно самим народом, рабочими, солдатами и матросами. Это был первый шаг к Третьей революции, которая неизбежна и, мы надеемся, принесет многострадальной России свободу и мир.

Александр Беркман (1923)

(«Прямое действие», 1996. №6)

Номера газеты "Известия Кронштадтского ВРК" (1921 г.) и другие материалы о восстании можно сказать здесь: <http://depositfiles.com/ru/files/fwfwexpc2>